

1911 г.
1 Октября

Туркестанская

№
79-й

издания

Справочник

годъ VI-й

ВѢДОМОСТИ

Подписная цена на годъ 6 рублей. Плата за объявленія въ официал. ч. 20 коп въ неофициал.—10 коп. за строку петита; за разсылку 100 объявленій 1 р. 50 к
Адресъ редакціи: Гор. Вѣрный, Семирѣченской области.

ЧАСОВНЯ СООЩЕНІЯ

Отъ Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества.

Въ 1850 году извѣстный русскій паломникъ-писатель А. Н. Муравьевъ возбудилъ вопросъ о возстановленіи развалинъ храма святителя Николая въ Мврахъ Ликійскихъ, гдѣ первоначально почивали его святыя мощи, до перенесенія ихъ въ 1087 году въ Баръградъ. для чего собралъ путемъ пожертвованій средства, на которыя и приобрѣлъ въ Мврахъ Ликійскихъ земельный участокъ вмѣстѣ съ развалинами древняго храма. Благодетельная мысль А. Н. Муравьева встрѣтила повсемѣстно живѣйшій окликъ, послѣдствіемъ чего въ С.-Петербургѣ, на 2-й улицѣ Песковъ, была устроена часовня, обращенная затѣмъ въ Александро-Николаевскую церковь, съ указаніемъ Святѣйшаго Синода обращать сборъ приношеній на возстановленіе храма святителя Николая въ Мврахъ Ликійскихъ. Не смотря, однако, на собранныя для означенной цѣли средства, осуществленіе мысли А. Н. Муравьева не встрѣтило сочувствія ни со стороны вселенскаго патріарха и сидійскаго митрополита, принявшихъ въ свое вѣдѣніе приобретенный А. Н. Муравьевымъ земельный участокъ, ни со стороны отъ атаманскаго правительства, признавашаго, что означенный участокъ не можетъ быть собственностью иностранныхъ учрежденій или лицъ.

Неоднократно предпринимавшіяся попытки закрѣпить упомянутый участокъ земли, перешедшій послѣ смерти А. Н. Муравьева сперва къ тещѣ графа Н. П. Игнатьева—княгинѣ А. М. Голицыной, а затѣмъ къ въ Бозѣ почивающему Великому Князю Сергію Александровичу, первому Августѣйшему Предсѣдателю Императорскаго Палестинскаго Православнаго Общества, не достигли цѣли, а капиталъ, собранный на постройку храма, остается и донынѣ неиспользованнымъ.

Въ виду выяснившейся полной невозможности построить русскій храмъ въ Мурахъ Ликійскихъ, Августѣйшій Предсѣдатель Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна возбудила вопросъ о сооружеіи храма во имя святителя Николая въ гор. Бари (въ Игаліи), гдѣ нынѣ почиваютъ его святыя мощи и куда издавна и въ значительномъ числѣ стекается набожный русскій народъ на поклоненіе святынѣ. Положеніе здѣсь нашихъ благочестивыхъ паломниковъ настолько затруднительно, что вопросъ о помощи имъ является неотложнымъ. Не зная языка и мѣстныхъ обычаевъ, не имѣя въ Бари русскаго храма и православнаго священника, не находя тамъ даже страннопріемнаго дома, гдѣ бы можно было пріютиться, русскіе паломники попадаютъ въ совершенно безвыходное положеніе, подвергаясь всякаго рода испытаніямъ, нежелательнымъ особенно въ мѣстѣ находенія величайшей святыни русскаго народа. поклонится которой составляетъ для мно ихъ нерѣдко мечту ихъ жизни.

Такое безпомощное положеніе русскихъ паломниковъ въ Бари давно озабочивало Августѣйшаго Предсѣдателя Палестинскаго Общества Великую Княгиню Елисавету Ѳеодоровну, и посему Ея Высочество изволила вѣразить пожеланіе повергнуть вопросъ о постройкѣ храма имени святителя Николая и при немъ страннопріемнаго дома для русскихъ паломниковъ на благовозрѣніе Его Императорскаго Величества,

Однако, предварительнаго осуществленія таковой мысли и имѣя въ виду, что паломническое движеніе въ Баръ-градъ пріурочивается, главнымъ образомъ, къ паломничеству въ Іерусалимъ, Ея Императорское Высочество признала соотвѣтственнымъ цѣлямъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, дабы Совѣтъ онаго принялъ въ свое вѣдѣніе настоящее дѣло, и вмѣстѣ съ симъ возложила на Совѣтъ Общества порученіе выработать дальнѣйшій планъ дѣйствій въ указанномъ Ея Высочествомъ направ-

леніи и, прежде всего, командировать въ Бари довѣренныхъ лицъ, съ цѣлью выяснитъ на мѣстѣ возможность осуществленія предполагаемыхъ сооруженій и, если представится случай, теперь же приобрести въ собственность Общества необходимый участокъ земли. Командированнымъ лицамъ удалось вскорѣ приобрести въ гор. Бари соотвѣтствующій цѣлямъ земельный участокъ мѣрою болѣе русской десятины, и совершить предварительную запродажную записъ, нынѣ закрѣпленную купчею крѣпостью.

Вослѣдовавшій за симъ всеподданнѣйшій докладъ Августѣйшаго Предсѣдателя Палестинскаго Общества Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны объ учрежденіи особаго Барградскаго комитета для сбора пожертвованій на сооруженіе храма въ гор. Бари и страннопріимнаго дома при немъ удостоился Всемиловитѣйшаго Его Императорскаго Величества утвержденія, при чемъ Государю Императору благоугодно было начертать: „Принимаю его подъ Свое покровительство“.

Въ составъ означеннаго Барградскаго комитета, отнынѣ состоящаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ, входятъ: предсѣдатель—членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, гофмейстеръ князь А. А. Ширинскій-Шихматоръ, товарищъ предсѣдателя—сенаторъ П. И. Остроумовъ; члены: Товарищъ Министра Иностранныхъ дѣлъ, камергеръ А. А. Нератовъ, предсѣдатель Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ протоіерей П. И. Соколовъ, академикъ архитектуры М. Т. Преображенскій, протоіерей І. І. Восторговъ и князь Н. Д. Жеваховъ.

Совѣтъ Общества счастливъ довести до свѣдѣнія всѣхъ сочувствующихъ настоящему святому дѣлу, что Государю Императору благоугодно было пожертвовать отъ имени Его Величества и Ея Величества Государыны Императрицы Александры Ѳеодоровны на постройку церкви и странно-пріимнаго дома въ гор. Бари, въ Италіи, десять тысячъ рублей, и что на этотъ же предметъ отъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны поступило въ Барградскій комитетъ три тысячи рублей.

Желающіе внести свою лепту на построеніе въ гор. Бари храма во имя святителя Николая и страннопріимнаго при немъ дома благоволятъ обращаться въ Барградскій комитетъ, находящійся при Императорскомъ Православномъ Палестинскомъ Обществѣ—въ С.-Петербургѣ, Вознесенскій проспектъ, д. № 36.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства

Псаломщикъ Александро-Невской вагона-церкви Средне-Азіатской желѣзной дороги Іоаннъ Чулковъ, назначенный Его Преосвященствомъ къ Казанской церкви г. Казалинска священникомъ 29 Августа сего 1911 г. рукоположенъ въ санъ пресвитера.

Крестьяне: Федоръ Ларионовъ Климентъ Бойко и Іоакимъ Бутникъ утверждены въ должностяхъ церковныхъ старостъ: 1-й Михаило-Архангельскаго молитвеннаго дома сел. Скобелева, Перовскаго уѣзда, 2-й—церкви сел. Русскаго Села и 3-й—церкви сел. Николаевского, Андиганскаго уѣзда.

Псаломщикъ церкви сел. Кара-оиканъ, Андиганскаго уѣзда Іаковъ Волоховскій, согласно прошенію, Его Преосвященствомъ уволенъ отъ должности псаломщика.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„Михайловъ и Малышевъ“

извѣщаетъ своихъ уважаемыхъ покупателей, что въ магазинѣ его въ гор. Вѣрномъ имѣются въ полномъ выборѣ парчевые и золотокружевные товары—по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ

Отъ Туркестанской Духовной Консисто́риі симъ объявляется, что выданное ею 28-го Іюня 1910 года за № 4463, метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи Петра Трофимова Павленко, по заявленію матери послѣдняго-крестьянки Θεодосіи Евѣиміевой Павленко, ею утеряно. Взамѣнъ утеряннаго метрическаго свидѣтельства о рожденіи и крещеніи Петра Павленко выданъ дубликатъ сего свидѣтельства. Прежде выданное метрическое свидѣтельство считать недѣйствительнымъ и въ случаѣ нахожденія представить такое въ Туркестанскую Духовную Консисто́рію.

1—1

„Любовь къ отечеству и народная гордость.“

Удивляется правая печать, удивляются и иностранцы, пощающіе Россію, откуда у русскихъ такая ненависть ко всему своему, родному и такое усердіе въ подраженіи всему иностранному. Недоумѣваютъ, ищутъ причинъ такого невѣроятнаго въ жизни другихъ народовъ явленія, но никакъ не могутъ точно опредѣлить ихъ, прослѣдить постепенное развитіе этого преобладающаго въ нашемъ обществѣ настроенія.

Православное духовенство внимательно наблюдаетъ постепенное даже среди русскаго простаго народа ослабленіе религіознаго настроенія, и любви къ создавшей могучее русское государство православной церкви и склонно приписать это исключительно вліянію революціонеровъ и сектантовъ-пропогандистовъ, не замѣчая того страннаго на первый взглядъ явленія, что упадокъ и религіозности и любви къ своей родинѣ наблюдается не въ средѣ только взрослыхъ русскихъ людей, но даже у дѣтей школьнаго возраста. Нельзя допустить, чтобы во всѣхъ школахъ М. Н. Просвѣщенія всѣ учащіе этихъ школъ были одинаково враждебно настроены ко всему русскому, между тѣмъ результаты воспитательнаго вліянія всѣхъ этихъ школъ оказываются одни и тѣ-же: у насъ все и скверно и худо, у другихъ все такъ хорошо и такъ разумно устроено.

Одному изъ членовъ московскаго земства поручено было разсмотрѣть и дать свой отзывъ о книгахъ по русскому чтенію въ начальной школѣ и ниже печатается въ извлеченіяхъ докладъ о книгѣ для класснаго чтенія „Міръ въ разказахъ для дѣтей“ В. Э. Вахтеровыхъ, къ слову сказать, принятой и у насъ въ приходскихъ училищахъ М. Н. Просвѣщенія въ Семирѣчьи. Необходимо, чтобы всѣ правые органы печати помѣстили извлеченія изъ этого доклада, дабы тѣ, кои призваны наблюдать за школой обратили вниманіе на развращающее вліяніе ея на дѣтей и поторопились изъять изъ школьнаго употребленія источникъ духовной заразы, подрывающій и вѣру въ Бога и любовь къ своей родинѣ.

Но оборотимся къ докладу:

Докладчикъ останавливается подробно въ своемъ разборѣ, преимущественно, на третьей завершительной пока книгѣ для 3-го года обученія.

Распадается она по руководящим задачамъ на двѣ части. Въ первой, занимающей не совсѣмъ треть книги, содержится, по выраженію авторовъ, нравственно воспитывающій матеріалъ, во второй—статьи, сообщающія реальныя знанія.

Первая часть состоитъ изъ 6 отдѣловъ. Содержаніе ихъ опредѣляется выставленными надъ ними слѣдующими эпитафиями:

- I. Ученье—свѣтъ, а неученье—тьма.
- II. Трудъ кормитъ, а лѣнь портитъ,
- III. Вся семья вмѣстѣ, такъ и душа на мѣстѣ.
- IV. Всякъ своему счастью кузнецъ.
- V. Дружно не грузно, а врозь—хоть брось.
- VI. Всѣ за одного, а одинъ за всѣхъ.

Въ отдѣлахъ этихъ изображаются отношенія человѣка къ семьѣ, къ ближнему, къ обществу, къ самому себѣ и къ труду, которыя опредѣляются авторами, какъ духовныя потребности человѣка.

Какъ говорятъ авторы въ замѣчаніяхъ для учащихся (на внутренней обложкѣ 2-й книги,) они имѣли въ виду, „чтобы книга дѣйствовала на сердце и волю ребенка, чтобы она воспитывала любовь къ добру и великодушныя чувства.“

Статьи, помѣщенныя въ первой части 3-й книги въ осуществленіе задачи авторовъ, по своему характеру направлены къ развитію доброжелательныхъ чувствъ къ людямъ въ душѣ учениковъ. Особенно теплою отличаются статьи, касающіяся семьи; превосходень, въ особенности, выборъ статей, изображающихъ чувства материнской любви.

Недостатки разсматриваемой части книги, однако, велики, какъ въ отношеніи объема охватываемыхъ ею отношеній, такъ и въ самомъ качествѣ будимыхъ выборомъ статей нравственныхъ чувствъ.

Выше перечислены были, со словъ авторовъ, тѣ нравственныя отношенія человѣка, которыя имѣлись ими въ виду. Укажу на нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ, которыя ими опущены. Въ самомъ отдѣлѣ, посвященномъ семьѣ, отсутствуютъ указанія на нравственныя бытовыя черты русской семьи, пренебреженіе къ которымъ свидѣтельствовало бы объ отчужденности школы отъ народной жизни. Въ книгѣ имѣются трогательныя описанія примѣровъ материнской любви изъ произведеній лучшихъ писателей, но по существу эти примѣры не отличаются отъ помѣщеннаго 2-й книгѣ разсказа Тургенева: „Воробей“. Конечно, трогательны

родительскія чувства воробья, но въ русской крестьянской и христіанской семьѣ есть другія, не вытекающія только изъ природныхъ связей нравственныя требованія, съ исчезновеніемъ которыхъ эта семья, врядъ ли, сохранить свое нравственное значеніе. Если наша школа сколько-нибудь жизненна въ хорошемъ смыслѣ, она призвана поддержать тѣ унаслѣдованныя народомъ чувства, которыя противодѣйствуютъ вліяніямъ, ведущимъ къ распаденію семьи, а что такія вліянія проявляютъ свое дѣйствіе извѣстно каждому, напомнимъ хотя бы о часто горькой долѣ стариковъ въ собственной семьѣ. Чувствомъ, которое подлежало-бы укрѣпленію со стороны школы, слѣдуетъ признать уваженіе къ старшимъ, которое находило себѣ въ русской семьѣ завершеніе въ благоговѣннѣи передъ цѣнностію родительскаго благословенія. Семейная связь въ христіанскомъ народномъ пониманіи не порывается и смертію, и общеніе съ отошедшими въ иной міръ въ молитвѣ — одна изъ глубокихъ сторонъ вѣры. Объ этихъ существенныхъ и глубокихъ сторонахъ русской семейной жизни книга молчитъ.

Далѣе. Авторы въ замѣчаніяхъ „для учащихся“ говорятъ, какъ было упомянуто, что они имѣютъ въ виду изобразить отношенія челоуѣка къ „обществу“ Объ отношеніяхъ къ какому-либо организованному обществу нѣтъ, однако, рѣчи въ книгѣ. Статьи въ ней касаются лишь отношеній къ отдѣльнымъ личностямъ. Имѣется одинъ лишь разсказъ безъ особаго нравственнаго значенія о догадливомъ судѣ. Это слѣдуетъ признать недопустимымъ пробѣломъ. Нѣтъ рѣчи въ книгѣ прежде всего о крестьянскомъ обществѣ, къ которому принадлежатъ за рѣдкими исключеніями воспитанники сельскихъ школъ. Между тѣмъ первостепенное жизненное значеніе имѣло бы возбужденіе и укрѣпленіе сознанія долга по отношенію къ общественнымъ обязанностямъ, возлагаемымъ на крестьянъ участіемъ ихъ какъ въ своемъ сельскомъ самоуправленіи, судѣ и управленіи, такъ и въ общегражданскихъ учрежденіяхъ.

Затѣмъ отсутствуетъ самое понятіе о долгѣ по отношенію къ *отечеству*. Въ другомъ мѣстѣ мнѣ придется говорить о томъ, какой смыслъ придается во второй части книги понятію о *родинѣ* могу поэтому пока здѣсь объ этомъ не распространяться. Замѣчу лишь, что такого примѣра нельзя встрѣтить въ школѣ какого либо другого государства. Русская школа грозитъ въ этомъ отношеніи стать, вѣроятно, единственнымъ исключеніемъ, которое иначе какъ уродливымъ назвать будетъ нельзя. Предоставляя себѣ,

какъ я уже сказалъ, говорить еще въ другомъ мѣстѣ по этому предмету, считаю необходимымъ, однако, отмѣтить здѣсь, что если о долгѣ по отношенію къ отечеству въ книгѣ не говорится, то къ *поорыву* самого элементарнаго изъ возлагаемыхъ этихъ долгомъ обязанностей—вооруженной защиты отечества въ первой части имѣется сгруппированный рядъ статей, а именно статьи; во время перемирія (стр. 86), на полѣ сраженія, сестра милосердія, черный день пахаря. Въ первой изъ нихъ изображаются проявленія чувствъ дружелюбія между русскими солдатами и французами въ Севастополѣ, прерываемыя начальствомъ, во 2-й бессмысленный процессъ и ужасъ убійства во время сраженія, въ 3-й скорбь умиранія на войнѣ (смыслъ этой статьи подчеркивается еще въ отдѣлѣ „вопросы“ стр. 316,) въ 4-й ужасъ рекрутчины. Никакого объясненія того долга, который вызываютъ эти жертвы, изложенныя не безъ преувеличенія, не дается. Стоитъ лишь вспомнить въ какомъ духѣ воспитываются наши сосѣди на Западѣ и на Востокѣ, какъ за послѣднее время стараются поднять воинственный духъ въ школахъ даже такой страны, какъ Англія, чтобы отдать себѣ отчетъ въ безуміи такой постановки дѣла въ русской школѣ. Земская школа—школа государственная, которая и содержится на обязательныя платежи населенія, взыскиваемая при содѣйствіи государства. Странное зрѣлище видѣть государственную школу, подготовляющую гибель своего государства.

Наконецъ нѣтъ въ нравственномъ ученіи, содержащемся въ 1-й части книги, никакого упоминанія о высшемъ видѣ челоѳечскаго общества: религіозномъ. Этимъ, конечно, опредѣляется полная отрѣшенность книги отъ положительныхъ сторонъ русской жизни и ея безсиліе принести послѣдней пользу.

Я перечислилъ тѣ пробѣлы, которые мною усмотрѣны въ 1-й части книги. Перехожу къ характеру нравственнаго ученія, которое въ немъ проводится.

Изъ приведенныхъ выше эпиграфовъ, которые, какъ выражаются авторы, призваны служить стержнями каждаго изъ отдѣловъ 1-й части книги, виденъ кругъ и направленіе нравственныхъ интересовъ, нашедшихъ въ ней выраженіе. Эпиграфы эти говорятъ о жизни людей бодрыхъ въ трудѣ и благожелательныхъ другъ къ другу. Настроеніе, которое въ нихъ проводится, отличается ясностію, но при этомъ, какъ слѣдуетъ признать, и крайнею нетребовательностію. Требованія нравственности, нашедшей себѣ выраженіе въ книгѣ, сводятся почти только къ трезвымъ началамъ

обыденной житейской мудрости басней Крылова, которыми авторы обильно и пользуются. Исключениемъ является все то, что касается науки; въ этомъ случаѣ авторы доходятъ до значительной степени одушевленія. Предоставляю себѣ говорить объ этой сторонѣ при разборѣ второй части книги. Отмѣчу лишь другое исключение въ статьяхъ, касающихся материнской любви, но чѣмъ было говорено выше. Ясность настроенія нарушается кромѣ того въ тѣхъ статьяхъ, о которыхъ я говорилъ, а именно въ тѣхъ, которыя имѣютъ отношеніе къ воинской повинности. Это нужно было, конечно, по самой цѣли статей.

Каковъ уровень нравственныхъ требованій, предъявляемыхъ авторами къ человѣку, видно изъ отдѣла, который по ихъ мысли посвященъ отношеніямъ человѣка къ себѣ самому. Отдѣлъ элиграфомъ имѣетъ пословицу: „всякъ своему счастью кузнецъ“. Мнѣ трудно, конечно, привести здѣсь все, что въ немъ помѣщено. Для характеристики его возьмемъ помѣщенные въ концѣ статей пословицы. Привожу ихъ всѣ (за исключеніемъ оговоренныхъ ниже): „горе горой, а руками воюй. И крута гора, да забывчива, и лиха бѣда, да сбывчива. Горе да бѣда, съ кѣмъ не была. Бѣлый свѣтъ не клиномъ сошелся. Не тужи: перемелется, все мука будетъ. Гдѣ горе, тамъ и радость. Послѣ ненастья ведро. Все идетъ въ свой чередъ. Не все ненастье, проглянетъ и красно солнышко. Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ, Послѣ грязи—ведро, послѣ горя—радость. Бояться несчастья—счастья не видать. Дождикъ вымочить, а красное солнышко высушить“.

Вотъ рядъ пословицъ, которыя объединяются общею мыслию и общимъ настроеніемъ, равно какъ и соответствующія имъ статьи. Призывъ къ бодрости, который въ нихъ слышится, весьма, конечно, полезенъ, но довольно мало имѣетъ отношенія къ нравственности. Въ серьезныхъ случаяхъ (какъ напр, смерть) онъ останется безсиленъ. Для христіанина ближе были бы слова поэта: **чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды; чѣмъ глубже скорбь, тѣмъ ближе Богъ...**

Слѣдуютъ пословицы, касающіяся двухъ пороковъ, противъ которыхъ христіанство ведетъ свою смертельную борьбу,—гордости и лжи. Вотъ какъ они представлены въ приведенныхъ авторами пословицахъ: „сама поетъ, сама слушаетъ и сама хвалить. Въ хвастѣ нѣтъ сласти.—Спесь не умъ, чванство не умъ, а недомысліе. Спесивый высоко мостится, да низко ложится. Не съ вѣтру говорится, что лгать не годится“.

Нельзя не признать, что эти два смертельные грѣха чело-вѣчества представлены какъ въ пословицахъ, такъ и въ соотвѣтствующихъ имъ статьяхъ съ одной поверхностной смѣшной сторо-ны. При нѣкоторой доли сдержанности и лицемѣрія или даже при усилении степени порока они никакого смѣха не возбуждаютъ, а могутъ на многихъ производить внушительное и даже подавляю-щее впечатлѣніе. Не говорю о гордецахъ, заливавшихъ кровью міръ или возмущавшихъ умы миллионѳвъ, но даже Павелъ Ива-новичъ Чичиковъ производилъ на окружавшихъ его самое благо-приятное впечатлѣніе своею солидностію. Въ крестьянской средѣ дерзость и ложь могутъ быть вовсе не смѣшными явленіями, а источниками великихъ несчастій въ семейной и общественной жизни.

Послѣднія двѣ пословицы: „всякъ по своему живетъ,—у вся-кого своя повадка, что кому сладко,“—можеть быть, и имѣють, по мысли авторовъ, какое либо особое отношеніе къ вопросу о нравственности, но я его не уловилъ

Опредѣленный смыслъ имѣеть, однако, пословица, которая помѣщены не въ ряду съ приведенными выше, а въ концѣ всей части книги, посвященной этому вопросу. Считаю полезнымъ при-соединить ее, какъ завершительное слово авторовъ. Пословица эта: „послужи на меня, а я на тебя“—ясно вскрываетъ утили-тарную, а не христіанскую точку зрѣнія на нравственность разби-раемой книги.

Помѣщенные въ отдѣлѣ, изъ котораго приведены пословицы, статьи и стихотворенія вращаются въ кругу невысокихъ требова-ній житейской мудрости пословицъ.

Можно ли признать, что въ нихъ дается сколько нибудь до-статочный отвѣтъ на нравственныя запросы чело-вѣческаго духа? Я не нашелъ въ отдѣлѣ ни разу приведеннымъ слово: **совѣсть**. Несомнѣнно, что проводимая авторами мораль неизмѣримо ниже того уровня, на которомъ держится нравственное міровоззрѣніе русскаго народа, насколько оно отразило воспринятую послѣднимъ христіанскую истину.

Въ дѣйствительности, можеть ли облегченная, пониженная нравственность книги дать рѣшимость на борьбу со страстями, гнѣ-здящимися въ сердцѣ чело-вѣка или силу на преодоленіе его слабостей? Достоинъ ли чело-вѣка вообще и великаго христіанскаго русскаго народа въ частности идеаль мелкой внѣшней порядочности, про-водимой въ книгѣ?

Не таково нравственное пониманіе русскаго народа. Онъ сознаетъ трагическое положеніе человѣка между великою силою грѣха, влекущаго его къ гибели, и нравственнымъ идеаломъ святости. Онъ знаетъ, что ради его спасенія пролита Божественная кровь, и знаетъ поэтому, гдѣ искать помощи въ жестокой непрестанной внутренней борьбѣ. Никакой пониженной нравственности при этомъ пониманіи мѣста найти нельзя. Такая нравственность будетъ для человѣка мелкимъ самообманомъ, недостойнымъ его и для него бесполезнымъ

Вторая часть книги, по мысли авторовъ, посвящена сообщенію реальныхъ знаній. Эта часть вдвое обширнѣе первой и, несомнѣнно, занимаетъ первенствующее мѣсто въ интересахъ авторовъ.

Въ основныхъ своихъ отдѣлахъ, излагающихъ ученіе о природѣ, она составлена съ любовью и умѣніемъ. Изъ этого ученія, какъ изъ центра, освѣщается проводимое въ книгѣ мировоззрѣніе.

Ученіе о природѣ, изложенное въ книгѣ, — цѣнный вкладъ въ нашу педагогическую литературу. Это ученіе, однако, по мыслиамъ авторовъ, не одинъ изъ предметовъ въ кругѣ школьнаго обученія, а призвано служить самодовлѣющимъ мировоззрѣніемъ для воспитанниковъ безъ всякой помощи со стороны другихъ источниковъ человѣческаго просвѣщенія. Въ основу его полагается достаточность всеобъемлющаго, будто бы, по своей природѣ человѣческаго знанія, а конечною цѣлью приобрѣтеннаго знанія признается исключительно внѣшняя польза.

Въ началѣ книги (стр. 7) помѣщена пословица: наукой свѣтъ стоитъ, ученіемъ люди живутъ. На стр. 16 стихотвореніе: Солнце и знаніе — заканчивается стихами:

Пусть же въ сердцѣ твоємъ
Все, что изъ книгъ ты узналъ,
Яснымъ засвѣтитъ лучомъ.
Солнышкомъ правды согрѣтъ,
Возненавидишь ты зло:
Знанье приноситъ намъ свѣтъ
Знанье даетъ намъ тепло.

На стр. 18 говорится: „Но не все еще люди узнали изъ того, что есть на свѣтѣ. Когданибудь они все узнаютъ ¹⁾, обо всемъ догадаются“.

---

1) Курсивъ мой.

Это въ началѣ книги. Въ концѣ научной ея части (стр. 276 и 277.) имѣется такой диѳирамбъ упѣхамъ человѣческой культуры: "первобытный человѣкъ не зналъ, гдѣ ему ночевать, у него не было пристанища; и онъ не повѣрилъ бы тому, что его потомки построятъ огромные города съ двадцатизэтажными домами, съ высокими храмами, башнями и пр., построятъ заводы и фабрики. Онъ не повѣрилъ бы тому, что его правнуки всю землю покроютъ желѣзными дорогами и будутъ ѣздить не только быстрѣ оленя и козъ, но быстрѣй птицы и вѣтра... Первобытный человѣкъ боялся воды и моря, но теперь онъ овладѣлъ моремъ, его суда плаваютъ по океану, а вода рѣкъ вертитъ его мельничныя колеса. Человѣкъ сталъ господиномъ надъ водяными парами и т. д..."

Первобытный человѣкъ не умѣлъ ни читать, ни писать, а теперь люди разгадали многія тайны земли и неба. Человѣкъ поднялся на неизмѣримую ⁽¹⁾ высоту. Конечно, и теперь еще много зла на свѣтѣ: много голоду и холоду, есть войны, есть преступленія, но теперь все же лучше, чѣмъ было прежде, когда существовало людоѣдство, затѣмъ рабство и пытки. Оглядываясь назадъ, мы видимъ, что жизнь идетъ впередъ. Когда видишь, какъ **человѣкъ изъ ничтожества сталъ царемъ земли, ея гордостью и славою, вѣнцомъ и чудомъ природы,** мы можемъ смѣло смотрѣть въ будущее. Мы можемъ вѣрить, что наша жизнь станетъ еще лучше. Не даромъ поэтъ говоритъ: „Много въ свѣтѣ силъ великихъ, но сильнѣе человѣка нѣтъ въ природѣ ничего“.

Какъ мы видимъ изъ приведенныхъ мѣстъ то, къ чему сводятъ авторы свое изложеніе въ научной части, касается внѣшнюю устроенія жизни. Этому внѣшнему устроению придается рѣшающая цѣнность. Запросы человеческого духа изъ круга зрѣнія авторовъ отсутствуютъ.

Мы видѣли, что въ 1-й части книги проводилась нравственность чисто утилитарная. Теперь мы видимъ, что въполнѣ отвѣчаетъ ей и ученіе второй части. Но то, и другое противорѣчитъ евангельскому ученію о томъ, что никакой почызы нѣтъ для **человѣка приобрести весь міръ, а потерять душу свою, и что человѣку нечего дать въ замѣнъ души своей.**

Если таковъ взглядъ авторовъ на человѣческую жизнь, то слѣдуетъ предположить, что самъ **человѣкъ существовавшей особен-но высокаго сорта, для котораго жить въ двадцатизэтажныхъ зда-**нияхъ (хотя бы неврастениковъ, алкаголикомъ, сифилитикомъ) есть,

1) Курсивъ мой.

дѣйствительно, подъемъ на „неизмѣримую высоту“. Таковъ и есть взглядъ авторовъ на человѣческую природу. На стр. 275 говорится, что предки человѣка были животными; изъ среды послѣднихъ они выдѣлились, когда они стали говорить и когда имъ удалось открыть огонь. До этого: „**предки (человѣка) умѣли только либо визжать, либо рычать**“. Конечно, если въ этомъ видѣтъ указаніе на происхожденіе человѣка, согласное теоріи Дарвина, какъ то будетъ понято многими, то это вопросъ „вѣры“ авторовъ. Это, однако, не вѣра христіанской школы, согласно ученію которой человѣкъ созданъ по образу и подобию Божію. Это и не наука, потому что наука за **50 лѣтъ**, прошедшихъ послѣ трудовъ Дарвина не могла еще найти данныхъ для подтвержденія гипотезы о происхожденіи человѣка отъ какого либо животнаго. Правда, Русскія Вѣдомости чуть ли не каждый мѣсяць сообщали съ торжествомъ о томъ, что найдены кости искомаго „звена“, но первый ихъ же авторитетъ въ этихъ вопросахъ, предсѣдатель общества естествознанія проф. Анучинъ въ № 1-го января заявилъ, что за 50 лѣтъ отысканы лишь два зуба на нижней челюсти и часть теменной кости какого то животнаго на о. Явѣ, которыя подають надежду на нахожденіе частей желаннаго нашего предка. Всѣ прочія безчисленныя находки оказались несостоятельными. Значитъ, осторожнѣе повременить еще сообщать воспитанникамъ нашихъ земскихъ школъ эту радостную вѣсть.

Можетъ быть, не слѣдуетъ искать въ словахъ авторовъ указанія на теорію трансформизма по отношенію къ человѣку. Остаются, однако, ихъ слова, что предки человѣка были животныя, которыя „умѣли только либо визжать, либо рычать“. Но это опять дѣло личнаго пониманія авторовъ, которое земская школа не призвана навязывать своимъ воспитанникамъ. Бюхнеръ въ свое время заявилъ, что душа дикаря отстоитъ дальше отъ души европейскаго ученаго, чѣмъ отъ того, что онъ называлъ душою у высшихъ породъ животныхъ. Такія воззрѣнія въ корнѣ противорѣчатъ христіанству и на практикѣ вели къ защитѣ рабовладѣнія въ Америкѣ и, вѣроятно, такъ же оправдываются теперешнія жестокости европейцевъ въ африканскихъ колоніяхъ.

Пониженный взглядъ авторовъ на природу человѣка стоитъ въ связи съ огромными недостатками общаго міровоззрѣнія, проводимаго въ книгѣ.

Раньше были приведены слова авторовъ, что первобытные люди *стали* говорить, что имъ *удалось* открыть огонь. Въ этихъ

словахъ авторы желаютъ передать то, что они выдаютъ и, вѣроятно, считаютъ просто за научные факты. Интересно, однако выяснитъ, какой смыслъ заключаютъ въ себѣ слова; *стали и удалось*. Простота этихъ словъ прикрываетъ труднѣйшіе вопросы. Постараемся найти имъ объясненіе въ общемъ ученіи авторовъ.

На стр. 145 авторы излагаютъ свое такое наиболѣе общее ученіе о развитіи органическаго міра.

„И дубъ, и береза, и трава, и всякое растение вырастаетъ изъ одной клѣтки. Изъ одной клѣтки вырастаетъ и рыба, и птица, и быкъ, и всякое другое животное. Всякое растение и всякое животное начинается съ одной клѣтки. Вездѣ зародышъ состоитъ изъ одной клѣтки. Эта клѣтка раздѣляется надвое—и станеть двѣ дочери-клѣтки, каждая изъ нихъ еще надвое, а тамъ еще и еще... и станеть клѣтокъ цѣлые милліоны.

Когда клѣтка живетъ одиноко, ей приходится одной исполнять всѣ работы: и двигаться, и хватать добычу, и переваривать ее, и сторожить, не грозитъ ли ей какая опасность. Такъ жилъ и Рабинзонъ; но трудно приходилось ему. Онъ долженъ былъ одинъ дѣлать всѣ работы; и плотничать, и огородничать, и шить, и охотиться, и защищаться отъ враговъ, и доить козъ, и топить печи, и стряпать. Плохо приходится и одной клѣткѣ. Но когда милліоны клѣтокъ живутъ сообща и составляютъ одно большое животное или растение, всѣ эти милліоны клѣтокъ подѣляютъ между собою работы. Однѣ клѣтки составляютъ крылья и стануть двигаться, когда птицѣ надо летѣть. Другія клѣтки составляютъ глаза и стануть сторожить. Третьи клѣтки составляютъ уши и будутъ слушать. Пятыя составятъ желудокъ и будутъ переваривать пищу и т. д. Каждая клѣтка будетъ работать на всѣхъ. Вѣдь крылья носятъ всю птицу; желудокъ перевариваетъ пищу для всѣхъ клѣтокъ, изъ которыхъ составлена птица. Всякая клѣтка будетъ получать услуги и помощь отъ всѣхъ остальныхъ клѣтокъ. Каждая клѣтка работаетъ на всѣхъ, а всѣ клѣтки вмѣстѣ работаютъ на каждую“.

Мы видимъ, что клѣтки дѣйствуютъ, согласно изложенію авторовъ, весьма цѣлесообразно. Кажущаяся простота разсказа и въ этомъ случаѣ, въ дѣйствительности, очень загадочна и, несомнѣнно, способна возбудить въ умахъ воспитанниковъ такіе вопросы, на которые ученіе авторовъ лишено возможности дать отвѣтъ. Ученіе это держится на почвѣ и въ ограниченномъ кругу данныхъ науки, по крайней мѣрѣ, въ пониманіи ея авторами. Характеръ такого изложенія вполне пригоденъ для университета,

гдѣ слушатели должны знать, чего они ищутъ, обращаясь къ наукѣ, а именно освѣщенія фактовъ, доступныхъ наукѣ въ данную минуту. Для этихъ слушателей открыты всѣ другіе источники для объясненія того, по отношенію къ чему слышится отвѣтъ великаго ученаго: *ignoramus et ignorabimus*. Они вольны ограничить свои запросы временно или всецѣло тѣмъ, что можетъ дать имъ наука или искать въ искусствѣ, философіи и религиі отвѣтовъ на выходящіе изъ области науки вопросы.

Условія начальной школы другія. Она имѣетъ дѣло съ пробудившимися къ сознательной жизни человѣческими умами, которые въ силу достоинства человѣческаго разума въ правѣ требовать, а школа не въ правѣ не давать посильнаго въ данныхъ условіяхъ отвѣта на его всесторонніе и глубокіе запросы. Извѣстно какіе серьезныя, основныя вопросы ставятъ дѣти. Начальная школа не въ правѣ отмежевать себѣ, на подобіе высшей, одну область научнаго знанія и такимъ образомъ **насильственно заглушать законныя запросы духа, которые въ этой области не умѣщаются**, не говоря уже о томъ, чтобы направлять ихъ на ложныя или недостаточно освѣщенные пути. Въ данномъ случаѣ наука не въ состояніи отвѣтить на естественный вполнѣ дѣтскій, и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ законный, вопросъ, откуда клѣтки получили первоначально способность производить все то, что приписывается имъ въ книгѣ. Авторы послѣдней вполнѣ правы съ научной точки зрѣнія, когда **они объ этомъ умалчиваютъ**. Не только они, но и великій ученый и вѣрующій христіанинъ Пастеръ, котораго они прославляютъ за нѣсколько страницъ до разказа о клѣткахъ, не могъ бы сказать этого какъ ученый, онъ сказалъ бы, однако, объ этомъ какъ христіанинъ. Наука не въ состояніи, можетъ быть притти на своихъ путяхъ къ Богу, Творцу міра, но она безсильна объяснить происхожденіе послѣдняго помимо Него. Въ бывшихъ у меня французскихъ учебникахъ лаической морали, устранившихъ ученіе о Христѣ, ученіе о Богѣ въ природѣ все-таки сохранено.

Для задачъ специально научныхъ полезно искусственно выдѣлять вопросы съ цѣлью специально научной ихъ обработки, въ жизни, однако, такой специализаціи не существуетъ. Вотъ слова нашего гласнаго, академика В. И. Вернадскаго: „отдѣленіе научнаго міровоззрѣнія и науки отъ одновременно или ранѣе происходившей дѣятельности человѣка въ области религиі, философіи, общественной жизни или искусства невозможно. Всѣ эти проявленія человѣческой жизни тѣсно сплетены между собою и могутъ

быть раздѣлены только въ воображеніи... Только въ абстракціи и въ воображеніи, не отвѣчающимъ дѣйствительности, наука и научное міровоззрѣніе могутъ довлѣть сами себѣ, развиваться помимо участія идей и понятій, разлитыхъ въ духовной средѣ, созданной инымъ путемъ". (Ст. О научномъ міровоззрѣніи).

Слѣдуетъ признавъ, что весь научный отдѣлъ книги проникнутъ извѣстною теплотою чувства авторовъ. Но это чувство вызвано не однимъ законнымъ уваженіемъ къ наукѣ, оно вызвано и иллюзіями авторовъ, въ которыхъ наука, конечно, неповинна. Наука не обѣщаетъ и не въ состояніи дать ни достаточнаго для челоука міровоззрѣнія, ни такой нравственной основы для жизни, которыхъ ищутъ въ ней авторы. О первомъ свидѣтельствуютъ вышеприведенныя слова академика В. И. Вернадскаго. Въ той же статьѣ онъ говоритъ; „научное міровоззрѣніе не есть научно истинное представленіе о Вселенной—его мы не имѣемъ". Въ это міровоззрѣніе входятъ, по его словамъ, только какъ часть отдѣльныя извѣстныя намъ научныя истины, но вообще „опредѣленіе, какія черты научнаго міросозерцанія истинны, нерѣдко трудно и почти безнадежно“.

Что касается того, что на этомъ пути нельзя найти нравственныхъ основъ для жизни людей, это понималъ и челоукъ съ такимъ мінімумомъ христіанскаго сознанія какъ Л. Толстой. Онъ говоритъ: «нравственность христіанская не можетъ быть основана на языческомъ пониманіи жизни и не можетъ быть выведена ни изъ философіи, ни изъ науки не христіанской; не только не можетъ быть выведена изъ нихъ, но не можетъ быть даже согласована съ ними»...

Попытки основать нравственность помимо религіи подобны тому, что дѣлають дѣти, которыя, желая пересадить нравящееся имъ растеніе, отрываютъ отъ него не нравящійся имъ и кажушійся имъ лишнимъ корень и безъ корня втыкають растеніе въ землю. Безъ религіозной основы не можетъ быть никакой настоящей, непритворной нравственности, точно такъ же какъ безъ корня не можетъ быть настоящаго растенія“.

Все ученіе авторовъ не имѣетъ связи съ христіанскими идеалами русскаго народа и съ русскою жизнію вообще. По требованіямъ школьной программы авторомъ *volens nolens* приходится, однако, коснуться Россіи въ двухъ отдѣлахъ: въ ея описаніи и исторіи, но характеръ книги выдержанъ и въ этихъ отдѣлахъ.

Отдѣлъ „по родной землѣ“ (стр. 186) открывается стихотвореніемъ „на Сѣверъ“.

На сѣверъ.

Птицы весной пролетали надъ пальмой,
Пальма въ раздумьи качала главой:
„Чѣмъ привлекаетъ ихъ сѣверъ печальный?
Чѣмъ имъ не нравится югъ золотой?
Блещетъ всегда красотою могучей
Вѣчно цвѣтушій, ликующій югъ...
Южное солнце не прячется въ тучи.
Нѣтъ ни морозовъ ни гибельныхъ вьюгъ...
Что же влечетъ ихъ?“ А въ небѣ высоко
Страницъ отважныхъ звучать голоса:
„Въ краѣ ненастномъ, суровомъ, далеко
Родина наша, родные лѣса!“

Припомнимъ полный „птичій“ параллелизмъ въ отношеніи авторовъ къ семьѣ. Нельзя ничего возразить прогивъ того, чтобы упомянуто было о первичной природной основѣ связи человѣка какъ съ семьей, такъ и съ родиной. Но для человѣка этого недостаточно. Мы видѣли, что авторы въ отношеніи семьи опустили коснуться нравственныхъ и религиозныхъ ея связей. То же они дѣлаютъ по отношенію къ отечеству, къ духовнымъ съ нимъ связямъ. **Всѣ тѣ нравственныя цѣнности**, которыя созданы вѣковыми трудами и страданіями народа въ области его историческаго духовнаго творчества, **оставлены авторами безъ вниманія**. Возьмемъ напр. такой центръ исторіи церкви, государства, просвѣщенія и художества, какъ Москва; обо всѣхъ памятникахъ этой исторіи книга молчитъ. Есть одна только статья, посвященная Москвѣ, жизни „на подмосковной фабрикѣ“; о характерѣ этой статьи мнѣ придется сказать дальше.

Общею схемою отдѣла можно признать ту, что книга тѣмъ менѣе посвящаетъ вниманія отдѣльнымъ частямъ Россіи, чѣмъ ближе и значительнѣе было участіе каждой изъ нихъ въ созиданіи русскаго государства и просвѣщенія. При самомъ описаніи опускается все, что имѣетъ какой-либо русскій историческій, религиозный, государственный или народный бытовой интересъ (при описаніи Нижняго не упоминается Мининъ, среди статей о Малороссіи нѣтъ статьи о Кіевѣ и его святыняхъ, при значитель-

номъ количествѣ статей о Крымѣ не упоминается о Севастополѣ). Менѣ всего отведено въ отдѣлѣ мѣста Великороссіи, а въ Великороссіи ея историческому средоточію. Не говорю уже о томъ, что такія значительныя для исторіи и быта русскаго народа центры, какъ Троице-Сергіева и Кіево-Печерская лавы, какъ Соловецкій и другіе чтимые и вносящіе въ народную жизнь свое просвѣтительное вліяніе монастыри обойдены молчаніемъ. И тутъ, какъ и въ другихъ отдѣлахъ сказывается у авторовъ полное отсутствіе пониманія христіанскаго русскаго просвѣщенія.

Другое отношеніе замѣтно у авторовъ къ окраинамъ. Если русскій и въ особенности великорусскій народъ не имѣетъ дара привлечь вниманіе и сочувствіе авторовъ, то **самоѣды и кавказскіе горцы и киргизы объемлются ихъ любовію**. Особенною горячностію отличаются ихъ чувства, однако, къ **финляндцамъ**. Въ рядѣ статей о финляндіи мы видимъ, даже, что пониманіе нравственной связи съ отечествомъ дѣлается доступнымъ авторомъ; говоримъ, конечно, о преданности, которую, по словамъ ихъ, питають къ Финляндіи финляндцы. Путешественникъ въ одной изъ статей передаетъ слова стараго финляндца:

„Наша страна учитъ насъ труду, выводитъ насъ въ люди. И мы любимъ ее, крѣпко любимъ“. Я сказалъ, что мнѣ очень понравилась Финляндія что я любовался ея лѣсами озерами Ваша Финляндія—настоящая красавица,“ сказалъ я Старикъ. видимо, понравилась моя похвала, и онъ сказалъ дочерямъ, чтобы онѣ спѣли для меня его любимую пѣсню. Свѣжіе, молодые голоса дѣвушекъ затянули пѣсню, старикъ подтягивалъ своимъ дрожащимъ голосомъ. Я записалъ слова этой пѣсни. Вотъ она въ русскомъ переводѣ:

„Всѣ рады мы, финны, свой трудъ отдавать Финляндіи, матери милой; глубь волъ ея мѣрять и пашни пахать, ей быть рукодѣльною силой; и вѣрность и честь на службу ей несть, чтобы въ мирномъ привольѣ могла она цвѣсть, чтобы мать не нуждалась, жила безъ скорбей и честно питалась работою дѣтей. Всѣ рады мы, финны, свой трудъ отдавать Финляндіи, матери милой..“

Приведемъ при этомъ, какъ описывается трудъ русскихъ людей въ единственной статьѣ, посвященной Москвѣ: „къ фабрикамъ съ трехъ сторонъ стекаются непрерывныя вереницы людей... старики крестятся, молодежь зѣваетъ... лица озабоченныя, сумрачныя... всѣ сумрачны... послѣ краткаго воскреснаго отдыха, спросонокъ, однообразная, опостылѣвшая работа кажется еще скучнѣе чѣмъ обыкновенно и т. д.“

Въ концѣ описанія Финляндіи говорится: „Въ деревнѣ я нанялъ телѣжку, и черезъ $\frac{1}{4}$ часа сытая лохматая лошадка мчала меня къ городу по гладкой, какъ полъ, дорогѣ, По краямъ дороги бѣжали отъ столба къ столбу проволоки телеграфа, соединяя деревню съ деревней и деревню съ городомъ. Вездѣ были школы, бібліотеки, вездѣ были книги, газеты, вездѣ были грамотные люди. Я вспомнилъ наши глухія деревушки и глубоко вздохнулъ. Мнѣ стало грустно, но черезъ минуту мнѣ стало стыдно своей грусти. Скоро-скоро и наша деревня будетъ жить человѣческой жизнью!“

И такъ по взгляду авторовъ, русская деревня не жила еще человѣческою жизнію.

Вспомнимъ другое пониманіе этой жизни.

Эти бѣдныя селенья!
Эта сѣрая природа!
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!

Не пойметъ и не оцѣнитъ.
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной!

Удрученный ношей крестной
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя.

Что намъ дается въ идеальномъ образѣ у Тютчева, то въ совершенно реальныхъ чертахъ изображается Некрасовымъ во „Властѣ“ и И. Аксаковымъ въ „Всеношной въ деревнѣ“. Эти черты христіанскаго духа и христіанскаго, а поэтому и высшаго человѣческаго просвѣщенія для авторовъ книги не существуютъ.

Въ разказахъ изъ русской исторіи трудно усмотрѣть яснаго плана. Въ одномъ, однако, видна у нихъ послѣдовательность, а именно въ стараніи устранить то, въ чемъ проявлялась связь съ христіанскою православною вѣрою. Въ поученіи Владиміра Монаха исключаются напр. всѣ религіозныя черты. Авторы говорятъ, что изъ поученія мы знаемъ, какъ самъ Владиміръ смотрѣлъ на

жизнь; при ихъ передачѣ воспитанники, конечно, этого не узнаютъ. Въ жизнеописаніи Александра Невского опущенъ также религіозный элементъ. Не говорится о значеніи въ дѣлѣ объединенія Россіи Московскихъ Святителей Петра, Алексія, Іоны. Не говорится о духовномъ и государственномъ дѣлѣ преп. Сергія и его учениковъ. Пять статей имѣютъ предметомъ царствованіе Іоанна IV. Благодаря Іоанну, есть въ числѣ ихъ и рассказъ о митрополитѣ Филиппѣ, но затѣмъ уже не говорится о патріотической дѣятельности и мученической кончинѣ патріарха Гермогена.

Такимъ образомъ и послѣдній историческій отдѣлъ въ этомъ отношеніи поддерживаетъ общій характеръ книги.

Заключаю свой разборъ словами Ушинскаго, „древняя православная религія съ ея всемірно-историческимъ значеніемъ, религія, превратившаяся въ плоть и кровь народа,—вотъ что должно проявиться въ народности русскаго воспитанія, если оно хочетъ сдѣлаться дѣйствительнымъ выраженіемъ народной жизни, а не насильственнымъ, чуждымъ народности подражаніемъ: не растеніемъ безъ корня, которое, безпрестанно должно искусственно подновляться и вновь пересаживаться съ чуждой почвы, пока наша вновь его испортитъ“. Продолжаемъ словами того же великаго педагога: „знаемъ, что для многихъ наша народная религія, какъ необходимый элементъ воспитанія, кажется требованіемъ излишнимъ и стѣснительнымъ но тѣмъ не менѣе, считая святою обязанностію каждаго въ такомъ великомъ дѣлѣ, каково народное воспитаніе, выражать свои глубочайшія убѣжденія, мы скажемъ, что уже по одной народности этой религіи не только всякій воспитатель юныхъ поколѣній, но даже всякій, кто не хочетъ показать, что онъ не любитъ и не уважаетъ своего народа, долженъ, если, уже не съ любовью, то по крайней мѣрѣ съ глубочайшимъ уваженіемъ прикасаться къ тѣмъ его убѣжденіямъ, которыя для него такъ святы и дороги и съ которыми неразрывно срослось все, что есть лучшаго въ его природѣ. Если, воспитывая дитя, мы должны съ уваженіемъ приближаться къ душѣ его, то во сколько разъ должно быть больше это уваженіе къ душѣ народа, когда мы принимаемся за дѣло его воспитыванія.

Напрасно мы хотимъ *выоумать* воспитаніе: воспитаніе существуетъ въ русскомъ народѣ столько же вѣковъ, сколько существуетъ самъ народъ—съ нимъ родилось, съ нимъ выросло, отразило въ себѣ всю его исторію, всѣ его лучшія и худшія качества. Это почва, изъ которой выростали новыя поколѣнія Россіи, смѣняя

одно другое. Ее можно удобрить, улучшить, приноровившись къ ней-же самой, къ ея требованіямъ, силамъ, недостаткамъ; но пересоздать ее невозможно. И слава Богу! Какой странный хаосъ, какія враждующія противорѣчія, какія нелѣпицы, кажущіяся намъ разумными сегодня и крайне глупыми завтра, появились-бы въ воспитаніи русскаго народа, если-бы оно было послушнымъ воскомъ въ нашихъ рукахъ. Всякая цѣльность въ народѣ исчезла бы навсегда, и та его долговѣчность, въ которой жизнь отдѣльнаго человѣка является минутою, а жизнь цѣлаго поколѣнія однимъ днемъ, имѣющимъ свои мимолетныя слабости, прихоти и увлеченія, была-бы навсегда разрушена, Мы безумно подкопали бы корень вѣкового растенія и разсыпались-бы потомъ сами, какъ рассыпаются листья съ изсохшаго дерева. Нѣтъ, позаботимся о томъ, чтобы дерево росло лучше, но не дерзнемъ коснуться его вѣковыхъ корней.“

П. Мансуровъ.

В. М. Соколовъ.

Умеръ учитель. Угасъ одинъ изъ старѣйшихъ свѣтильниковъ нивы народной, отдавшій всю свою жизнь, всѣ свои силы служенію родинѣ, на самомъ трудномъ и отвѣтственномъ поприщѣ!.

Василій Михайловичъ Соколовъ, по происхожденію казакъ Б.-Алматинской станицы, по окончаніи курса С.-Петербургскаго учительскаго института въ 1878 г., назначенъ былъ учителемъ городского училища въ г., Вѣрный, гдѣ и провелъ всю свою жизнь, прослуживъ въ 1-мъ Вѣрненскомъ городскомъ Генерала Колпаковскаго училищѣ слишкомъ 33 года.

На неоднократныя предложенія начальства получить должность учителя-инспектора—покойный всегда отвѣчалъ отказомъ. До того привыкъ онъ къ г. Вѣрному.

„Въ этомъ училищѣ началъ службу, въ немъ и умру“—нерѣдко говорилъ покойный и.. сдержалъ свое слово.

Кто не знаетъ въ г. Вѣрномъ В. М. Соколова? Сколько прошло черезъ его руки учениковъ за 33 года служенія?

Живымъ, краснорѣчивымъ отвѣтомъ на это было тысячная толпа народа, провожавшая труженика къ мѣсту его послѣдняго упокоенія.

Среди этой толпы провожавшихъ, кромѣ учениковъ городскихъ и приходскихъ училищъ въ полномъ составѣ, мелькали уже посѣдѣвшія головы бывшихъ его учениковъ всѣхъ сословій и состояній, и катафалка не потребовалось: было кому нести его на рукахъ отъ церкви вплоть до далекой могилы. Много страницъ надо написать, чтобы изобразить всю дѣятельность В. М. и очертить эту личность, этого незлобиваго, простодушнаго и преданнаго своему дѣлу работника, тянувшаго свою лямку не за страхъ, а за совѣсть!

Миръ и согласіе въ педагогической семьѣ всякаго учебнаго заведенія есть первый залогъ продуктивности совмѣстной педагогической работы, и В. М. какъ старшій для всѣхъ по лѣтамъ товарищъ, всегда давалъ собою примѣръ корректности и доброжелательныхъ отношеній.

Всегда жизнерадостный и энергичный, онъ отдавался всею душою любимому дѣлу и сухимъ предметомъ математики умѣлъ заинтересовать своихъ учениковъ и заставить многихъ изъ нихъ работать съ выдающимся успѣхомъ, благодаря чему не мало изъ его бывшихъ учениковъ, продолжая ученіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, вышло на широкую дорогу. Скромный же ихъ бывший учитель всегда оставался незамѣтнымъ кропотливымъ работникомъ въ тѣни.

Помимо плодотворной своей педагогической работы, покойный оказалъ не мало услугъ и своею общественной дѣятельностію на пользу казаковъ своихъ одностаничниковъ, за что избранъ былъ ими почетнымъ старостой станицы Б.-Алматинской. Дѣятельность В. М. какъ церковнаго старосты станичнаго собора, очерчена простыми, незатѣйливыми, но сердечными словами атамана Михайлова, сказанными у гроба усопшаго и ярко очерчена, какъ мазками талантливаго художника, рѣчью настоятеля того же собора о. протоіерея Антонова.

Работая не за страхъ, а за совѣсть В. М. въ теченіе своей 54-хъ лѣтней жизни немало испытывалъ всевозможныхъ огорченій и превратностей судьбы, что въ совокупности съ ежедневными хотя и малыми раздраженіями на урокахъ постепенно и вѣрно подготавливало почву „учительской“ болѣзни печени.

И вотъ, небольшая неосторожность (лишній глотокъ холоднаго квасу во время полевой работы) создала уже на подготовленной и благодарной для себя почвѣ неизлѣчимуую и тяжкую болѣзнь, закончившуюся преждевременной смертью.

Съ большимъ участіемъ отнесся весь педагогическій міръ народныхъ учителей къ отданію послѣдней чести своему товарищу и сослуживцу.

Не многимъ смертнымъ выпадаютъ на долю такія торжественныя похороны и почетъ, съ какими провожали В. М.

Громадная толпа народа всѣхъ сословій, девять человѣкъ духовенства въ блестящихъ ризахъ, масса цвѣтовъ и вѣнковъ, прекрасный хоръ пѣвчихъ и (какъ казаку) полный оркестръ военной музыки, которую, кстати сказать, такъ покойный любилъ.

Похороны начались въ 8 ч. утра 15 сентября выносомъ тѣла покойнаго изъ квартиры въ казачій соборъ.

По окончаніи божественной литургии о. протоіерей Антоновъ обратился со слѣдующей рѣчью:

Блаженъ путь въ онъ-же идиши
днесъ, душе, яко уготовася тебѣ
мѣсто упокоенія.

(Проким. на погреб. мірск. чел.)

Стоимъ предъ открытымъ гробомъ, присутствуемъ при страшномъ таинствѣ смерти.

Съ тѣхъ поръ какъ надъ согрѣшившимъ человѣкомъ впервые раздался голосъ божественнаго Правосудія „земля еси и въ землю отъидеши“ смерть стала удѣломъ всего живущаго. Одна треть человѣчества умираетъ, не успѣвъ сознательно отнестись къ жизни, въ томъ возрастѣ ея, который мы называемъ счастливимъ дѣтствомъ; великое множество—едва разставшись съ грезами юности и очень немногіе,—доживъ до того возраста, о которомъ упоминаетъ пророкъ Давидъ въ своемъ псалмѣ, „аще въ силахъ 80 лѣтъ“.

Смерть стала самымъ постояннымъ и неизмѣннымъ закономъ земной жизни. Но какъ ни обычно явленіе смерти,—непостижимый ужасъ овладѣваетъ всѣмъ существомъ человѣка при одной мысли о ея приближеніи; боится человѣкъ ея таинственности!

Милліарды людей уже покончили счеты съ землей и ушли туда, откуда никто еще не возвращался, милліарды уйдутъ еще, а предъ таинственностью смерти такъ же цѣпенѣтъ умъ человѣка нынѣ, какъ терялся онъ тысячелѣтія назадъ. Въ разрѣшеніи этого вопроса разумъ человѣка не оказалъ успѣха въ теченіи тысячалѣтій.

И только вѣра, одна она открываетъ завѣсу будущаго загробнаго существованіе. Она говоритъ: это не разрушеніе и не уничтоженіе, а начало новой жизни, переходъ отъ тлѣнія къ нетлѣнію, отъ скорби и печали къ вѣчному торжеству и радости. Вѣра не смущается тѣмъ, что видитъ предъ собою это полуразложившееся бездыханное тѣло: она только скажетъ; смотрите, это все, что осталось отъ былой красоты земного человѣческаго образа, но за этимъ тлѣннымъ она прозрѣваетъ нетлѣніе той части человѣческаго существа, которая получила свое начало не отъ земли, а отъ Бога, т. е. души человѣка. И этимъ умиротворяетъ человѣка и примиряетъ живущихъ съ неизбѣжностью смерти.

Глядя на этотъ гробъ, вмѣстившій въ себѣ останки столь близкаго намъ человѣка, припоминаю слова погребальныхъ церковныхъ пѣснопѣній: внезапно, какъ хищникъ, пришла смерть и низринула меня и сномъ показала мнѣ вся прошлая моя жизнь, куда иду,—не знаю знаетъ только Господь, призавшій меня. А отъ гроба доносится до духовнаго слуха моего послѣдняя мольба Василія Михайловича. Все, что такъ приковывало меня къ землѣ, казалось такимъ привлекательнымъ и дорогимъ, какимъ ничтожествомъ стало оно теперь; друзья и знаеміи, на забывайте меня, когда молитесь, помяните мя предъ Господомъ, да обрящу милость у Него въ день судный. Это послѣдняя и единственная просьба къ вамъ усопшаго раба Божія Василія. Во имя Господа, распятаго за насъ, во имя вашей дружбы и знакомства съ усопшимъ, исполните его послѣднюю мольбу. Каждый разъ когда уста ваши откроятся для молитвы, когда они будутъ шептать имена близкихъ и дорогихъ сердцу вашему умершихъ уже лицъ, присоедините къ нимъ и имя почившаго Василія Михайловича.

Къ вамъ отроки, питомцы усопшаго, моя отдѣльная просьба. Не забывайте вашего стараго учителя, всю жизнь свою и свои силы отдавашаго вамъ, дѣлившаго въ теченіе десятковъ лѣтъ съ вами и горе и радость. Создайте ему самый прочный памятникъ въ вашихъ сердцахъ—это молитвенную о немъ память, исполняя завѣтъ Св. Апостола, призывающаго поминать наставниковъ, говорившихъ вамъ слово истины, каковымъ прежде всего и былъ почившій.

Къ тебѣ, незабвенный Василій Михайловичъ, мое послѣднее слово. Въ теченіе семилѣтней совмѣстной службы нашей я былъ свидѣтелемъ твоихъ заботъ объ этомъ храмѣ, твоей ревности о томъ, что относилось къ его благолѣпію.

Отчетливо представляю себѣ твое лицо, свѣтившееся радостью всякій разъ, когда въ великіе праздники или въ дни особенно чтимые нашими прихожанами, ты видѣлъ этотъ храмъ, наполненный молящимися, видѣлъ торжество вѣры надъ невѣріемъ. Мнѣ всегда казалось въ такія минуты, что Самъ Судія живыхъ и мертвыхъ смотритъ на тебя и ласка и любовь свѣтятся въ Его небесномъ взорѣ. Пусть же и нынѣ, когда предстанешь ты предъ Лицемъ Его, въ опредѣленіи твоей судьбы встрѣтятся ласка и любовь съ Его благостью и милосердіемъ Низкій поклонъ тебѣ за все и послѣднее здѣсь на землѣ прости.

Послѣ отпѣванія инспекторъ народныхъ училищъ ст. сов. В. А. Свѣтловъ сказалъ слѣдующее:

Далеко отправляется отъ насъ, дорогой Василій Михайловичъ. Любовь родныхъ, друзей и почитателей твоихъ уже все приготовила тебѣ въ твой дальній путь. Сейчасъ мы „дадимъ тебѣ послѣднее наше цѣлованіе“. Но подожди еще немного Дай въ послѣдній разъ посмотрѣть на тебя и хотя минуточку поговорить съ тобою.

Не думали мы такъ скоро простатся съ тобою. Да и тебѣ самому, повидимому, не вѣрилось, чтобы злой недугъ такъ скоро и такъ неожиданно подточилъ твои силы. Всего три мѣсяца назадъ ты безъ усталости работалъ надъ предметами дорогой тебѣ специальности въ neoцѣненномъ для тебя Коллаковскомъ городскомъ училищѣ, высиживая цѣлые часы на своихъ и чужихъ экзаменахъ. Еще позднѣе, благополучно закончивъ учебный годъ, ты, удалившись на твою родную казачью заимку, дѣятельно принялся за хозяйство. Среди этого любимаго твоего занятія мы и застали тебя, посѣтивъ твой гостепріимный кровъ всего два мѣсяца назадъ. Тебя интересовало кажкое посаженное твоими руками дерево, каждый взлелѣянный вниманіемъ твоимъ цвѣтокъ. Глядя на широкій просторъ горной долины, открывавшійся съ террасы твоего дома, ты весело и жизнерадостно говорилъ съ нами о своихъ назрѣвшихъ планахъ земельной культуры на своимъ родномъ участкѣ. А теперь? Теперь ты лежишь въ своемъ новомъ тѣсномъ жилищѣ, въ которомъ и сосредоточены нынѣ всѣ твои человѣческія перспективы. Утренняя заря 12-го сентября уже не взошла для тебя, ибо солнце жизни твоей закатилось на вѣки.

Смерть неизбежна для вѣхъ. Въ этомъ отношеніи она не страшна для насъ Но она страшна быстротою и неожиданностію своего появленія; стоя за спиною человѣка съ своего безпощадно

косою, она въ каждую минуту можетъ срѣзать его, какъ полевой злакъ. Воистину человекъ, на славу Божию, какъ полевой цвѣтокъ: „утромъ цвѣтетъ и зеленѣетъ, а вечеромъ подсыхаетъ и засыхаетъ“ (пс. 89,6).

Было время, когда и ты, теперь бездыханный, не имѣя вида, ниже доброты, цвѣлъ и зеленѣлъ. И намъ, твоимъ друзьямъ и почитателямъ, извѣстно, что цвѣлъ и зеленѣлъ ты пышно, такъ какъ надѣленъ былъ отъ Господа не „однимъ талантомъ“ способностей, такъ что былъ догогимъ сыномъ воспитавшаго тебя. С.-Петербургскаго учительскаго института. Способностей твоихъ хватило бы не для скромной только доли учительской въ городскомъ училищѣ, но и для службы болѣе высокой въ смыслѣ общественнаго положенія. Но ты всегда былъ скромень и всю свою 33-хъ лѣтнюю службу пробылъ простымъ учителемъ.

Въ особую и несравненную заслугу тебѣ должно быть поставлено то, что всѣ свои силы, всѣ 33 года службы ты отдалъ только одному Колпаковскому городскому училищу, которое сдѣлалось поэтому тебѣ своимъ, роднымъ дѣтищемъ, съ которымъ ты ни за что не хотѣлъ разстаться, не смотря на неоднократно дѣлавшіяся тебѣ предложенія занять должность, отвѣчавшую твоему образованію и твоимъ административнымъ способностямъ. Будучи учителемъ заслуженнѣйшимъ, извѣстнымъ далеко за предѣлами родного города, воспитавъ цѣлое поколѣніе общественныхъ дѣятелей, ты всегда былъ скромень, корректень и почитателень къ лицамъ, выше тебя поставленнымъ на іерархической лѣствицѣ, хотя и болѣе, чѣмъ ты, молодымъ по лѣтамъ и заслугамъ. Ты былъ отличнымъ подчиненнымъ, и слѣдовательно, могъ быть таковымъ же начальникомъ, ибо тотъ не можетъ быть хорошимъ начальникомъ, кто не былъ хорошимъ подчиненнымъ и тотъ не можетъ заставить повиноваться себѣ другихъ, кто не воспиталъ способности повиновенія въ себѣ самомъ. Къ своей младшей учительской братіи ты всегда былъ доброжелательнымъ товарищемъ—другомъ, готовымъ и поделиться своимъ педагогическимъ опытомъ, и подать добрый совѣтъ въ трудную минуту жизни. Въ отношеніи воспитываемыхъ ты былъ примѣромъ строгой, но гуманной законности. Какъ хорошаго наставника, тебя уважали твои ученики, какъ дѣльнаго учителя и прекраснаго методиста тебя знало и цѣнило твое начальство.

Еще одну прекрасную черту ты уносишь съ собою въ могилу и я, какъ бывший твой начальникъ, долженъ отмѣтить ее въ твоёмъ учительскомъ обликѣ. Будучи добрымъ, отзывчивымъ наставникомъ, другомъ дѣтей, ты вмѣстѣ съ симъ былъ врагомъ всякихъ поблажекъ. Учебную атмосферу въ классѣ создалъ ты самъ, а не ученики, какъ это иногда бываетъ у молодыхъ, малоопытныхъ наставниковъ, ищущихъ дешевой популярности среди учениковъ. На урокахъ ты былъ дѣйствительнымъ хозяиномъ дѣла. Эта дорогая во всякомъ педагогѣ черта достигалась въ тебѣ какъ совершеннымъ знаніемъ предметовъ преподаванія, такъ равно и твоимъ честнымъ отношеніемъ къ дѣлу.

Говорить-ли объ общественныхъ заслугахъ дорогого покойника? Говорить-ли о его прекрасной христіанской настроенности? Объ этихъ заслугахъ Василя Михайловича говоритъ эготъ святой домъ, гдѣ онъ былъ около 15 лѣтъ церковнымъ старостой и гдѣ онъ, какъ добрый христіанинъ, былъ и щедрымъ дателемъ, и украсителемъ. Здѣсь все напоминаетъ ревность его по домѣ Божию.

Но ты, дорогой, спишь непробуднымъ сномъ. Пора уже и отпустить тебя въ твой дальній путь, тотъ путь, куда идетъ все живущее на землѣ (3 Цар. 2, 2). Но поджди еще немного. Посмотри, дорогой, какою тѣсною толпою окружаютъ твои бранные останки твои ученики, сослуживцы, твои ближніе и знакомые всѣ наперерывъ стремящіеся проститься съ тобою.

Прости же на вѣки, незабвенный другъ и товарищъ Василій Михайловичъ. Прими послѣдній привѣтъ и отъ меня, недостойнаго твоего начальника, и отъ твоихъ товарищей сослуживцевъ. Прости насъ, если мы въ чемъ согрѣшили предъ тобою, а мы все прощаемъ тебѣ. Прими поклонъ и цѣлованіе и отъ твоихъ возлюбленныхъ учениковъ, которые такъ цѣнили тебя. Какъ почетный и заслужный казакъ, прими поклонъ и отъ нашей Семирѣченской земли, гдѣ былъ ты однимъ изъ первыхъ по времени работниковъ и сподвижниковъ того великаго человѣка, завоевателя и устроителя нашего края, именемъ котораго называется училище, гдѣ ты честно прослужилъ всю свою жизнь и которому ты отдалъ всѣ свои силы.

Будемъ надѣяться, что душа твоя упокоится въ селеніяхъ праведныхъ.

По окончаніи рѣчи инспектора народныхъ училищъ станичный атаманъ Михайловъ отъ Б.-Алматинскаго общества сказалъ слѣдующее:

НЕЗАБВЕННЫЙ и ДОРОГОЙ

В а с и л і й М и х а й л о в и ч ъ .

Пусть знаетъ освобожденный отъ тѣла твой безсмертный духъ, что мы одностаничные съ тобой казаки, благодарные тебѣ за твою продолжительную, благотворную и безкорыстную службу Храму Божію, служащему украшеніемъ нашей станицы, возносимъ и будемъ возносить горячія молитвы къ Творцу и Вседержителю о дарованіи твоей душѣ вѣчнаго покоя.

Въ увѣковѣченіе памяти твоей дѣятельности, о которой и безъ того говоритъ много каждому изъ насъ благолѣпіе Храма, въ которомъ ты въ качествѣ церковнаго старосты былъ 15 лѣтъ съ лишнимъ, твои станичники во главѣ съ атаманомъ, кромѣ общаго горя о твоей утратѣ, невыразимаго словами, сочли долгомъ, какъ лично отъ себя такъ и въ назиданіе потомкамъ, увѣковѣчить твою память постановкою въ Храмъ витрины съ соотвѣтствующею твоимъ заслугамъ Храму Божію надписью и постановкой изображенія Святителя твоего имени. Дабы знали послѣдующія поколѣнія о твоихъ трудахъ и заслугахъ Храму Божію и возносили бы о душѣ твоей молитвы ко Господу.

Миръ праху твоему и душѣ твоей вѣчное упокоеніе незамѣнимый и честный труженникъ.

Гробъ вынесенъ былъ на рукахъ товарищами и сослуживцами, и печальная процессія съ музыкой и пѣніемъ двинулась къ 1-му Вѣрненскому Колпаковскому училищу, откуда, по совершеніи литіи, направилась на кладбище.

Наконецъ настала послѣдняя минута прощанія и о. протоіерей Шавровъ, старый сослуживецъ В. М., обратился къ усопшему съ слѣдующими словами:

Любезный нашъ сослуживецъ Василій Михайловичъ

Я знаю, что Ты желалъ бы еще пожить съ нами, но не во власти нашей остановить часъ смерти. Провидѣнію угодно было отозвать Тебя отъ сей временной жизни въ вѣчную.

Спи, любезный нашъ сослуживецъ покойно:—умъ Твой не будетъ уже больше смущаться помыслами житейскаго моря, сердце твое не будетъ уже знать житейской печали и скорби душа твоя не будетъ тосковать, испытывая тревогу въ жизни человѣческой.

Прости же любезный сослуживецъ, до всеобщаго воскресенія мертвыхъ.

Вѣчная тебѣ память отъ насъ, любезный нашъ другъ!

Въ заключеніи учитель-инспекторъ Колпаковскаго городского училища сказалъ: „Василій Михайловичъ! Не буду говорить тебѣ рѣчи: все уже высказано, скажу лишь одно: Всѣ мы твои товарищи хорошо знакомы съ тяжелой дѣятельностью народнаго учителя и всѣ знаютъ какъ ты относился къ службѣ. Прими же теперь отъ насъ всѣхъ нашъ послѣдній товарищескій привѣтъ и наше послѣднее „прости“.

При звукахъ „Коль славень“ гробъ тихо опустили въ могилу.

Миръ праху твоему, дорогой товарищъ и сослуживецъ!.. Пусть утѣшится твоя осиротѣвшая подруга жизни сознаниемъ честно исполненнаго тобою долга на землѣ и да облегчатся ея тихія слезы участливымъ отношеніемъ къ тебѣ всей нашей педагогической семьи, выразившимся въ отданіи тебѣ послѣдней нашей земной чести.

С. Волковскій.

„Горящій свѣтильникъ въ Бѣлгородѣ“.

«Никтоже, свѣтильника вжегъ, покрывать его сосудомъ или подъ одоръ подлагаетъ: но на свѣщникъ возлагаетъ, да входящии видять свѣтъ» (Лук VIII, 16).

Ярко горитъ свѣтильникъ, возженный Богомъ среди густого тумана невѣрія и блистаніе его озаряетъ всѣхъ животворнымъ свѣтомъ разума и благочестія. Жажущій народъ все гуще окружаетъ этотъ свѣтильникъ... Непостижимые уму человѣческому чудеса совершаются при гробѣ святителя Іоасафа воочію всѣхъ присутствующихъ, и толпы народа слѣдуютъ за исцѣлившимися, удивляясь преславному дѣлу Божія милосердія по молитвенному предствительству новаго угодника Божія. Слепые прѣзрѣваютъ, хромые и разслабленные ходятъ совершенно здоровыми, глухіе слышатъ, нѣмые говорятъ, больные отъ разныхъ недуговъ, коихъ не въ состояніи помощь прачебная поправить, дѣлаются здоровыми, согбенныя кости расправляются, изъ бѣсноватыхъ бѣсы изгоняются, невѣрующіе укрѣпляются въ вѣрѣ, малодушные дѣлаются сильными духомъ, лѣнныя получаютъ ревность о спасеніи души, печальные

—радость, гонимые—утѣшеніе... Однимъ словомъ, невозможно перечислить тѣхъ благодатныхъ даровъ, кои истекаютъ отъ неистощаемаго источника по молитвамъ новоявленнаго чудотворца русской земли.

Сегодня совершилось нѣсколько исцѣленій. Изъ нихъ тѣ, которыя успѣлъ зарегистрировать, сообщаю: Въ 2 часа дня, 31 августа юноша, возраста 16 лѣтъ, изъ крестьянъ Курской губерніи, Обоян. у., Бобрышевской вол., с. Пселецкаго, Г. С. Проскулинъ, больной ногами и разслабленный всѣмъ тѣломъ настолько, что онъ шесть лѣтъ не могъ встать на ноги и даже сидѣть, больше лежалъ на боку. Неоднократно обращались къ докторамъ, но они рѣшительно отказались, говоря, что нѣтъ надежды на исправленіе. Дня за два до отъѣзда изъ дома въ Бѣлгородъ, больной видитъ сонъ: будто-бы онъ пріѣхалъ въ Бѣлгородъ, и святитель Иосафъ лежитъ во гробѣ, какъ живой, открытые глаза глядятъ, волосы, замѣтилъ, сѣдые. и сталъ говорить: „молись усерднѣе, тогда получишь исцѣленіе“. Послѣ сего онъ какъ-бы всталъ и пошелъ, его обступилъ народъ; онъ-же показывалъ свои досѣле скорченныя ноги и въ моментъ сего пробудился. Ободренный видѣніемъ, больной поѣхалъ въ Бѣлгородъ при сопровожденіи родителей Семена Емельяновича и Аксиньи Александровны Проскулиныхъ и двухъ постороннихъ лицъ изъ одного села, Матвѣя Федоровича Волчукова и Ивана Андреевича Проскулина. Въ Бѣлгородъ прибыли 31 августа въ 5 часовъ утра, остановились въ баракахъ, гдѣ больной лежалъ до перваго часа дня. Потомъ родители его и вышеозначенные спутники понесли больного на себѣ въ монастырь въ пещеру, гдѣ почиваетъ нетлѣнно святитель Иосафъ. Пришли въ пещеру, гдѣ подняли больного, приложили къ мошамъ угодника Божія и вынесли изъ пещеры. Въ пещерѣ больной ничего не почувствовалъ, а только уже въ оградѣ, когда стали класть на землю, онъ почувствовалъ какую-то теплоту въ ногахъ и они стали какъ-бы растягиваться, и лѣвая нога сдѣлалась совершенно здоровой, такъ что онъ на ней свободно стоитъ, а правая также распрямилась, но не совсѣмъ и на нее еще наступить не можетъ. Такъ что теперь свободно можетъ сидѣть и стоять на одной ногѣ, а также и спина расправилась и боль прекратилась.

Второе чудо. Крестьянинъ Орловской губерніи, Дмитр. уѣзда, Бобровской вол., с. Макарова—Владиміръ Васильевичъ Бородинъ и послушница Сѣвскаго Троицкаго монастыря, Орловской епархіи,

Ольга Аванасьевна Бородина засвидѣтельствовали слѣдующее: ихъ сродникъ Василій Аванасьевичъ Бородинъ, имѣя отъ роду 13 лѣтъ, былъ боленъ четыре года трясеніемъ всего тѣла (виттова пляска); трясеніе было настолько сильно, что онъ не могъ держать въ рукахъ ничего: что ни возьметъ,—все выпадаетъ. Ходить безъ посторонней помощи также почти совершенно не могъ.

Они пріѣхали 29 августа въ 5 часовъ утра. Больного водили въ этотъ день три раза въ пещеру къ мощамъ святителя Іоасафа. Во вторникъ же послѣ третьяго раза приложенія къ мощамъ угодника Божія, онъ почувствовалъ въ рукахъ малое облегченіе. 31-го августа послѣ третьяго раза приложенія къ мощамъ обнаружилось очевидное облегченіе: онъ сталъ свободно креститься, держать въ рукахъ ложку съ пищей, свободно безъ посторонней помощи ходить; трясеніе не стало замѣтно совершенно, а ранѣе не только руки и ноги тряслись, но и голова.

Третье чудо—дѣвица Евфросинія Димитріевна Полякова, дочь мѣшанина города Курска, имѣла отъ роду 10½ лѣтъ, рассказала слѣдующее: она, какъ помнитъ, будучи шести лѣтъ, не стала видѣть ничего; на ея глазахъ, какъ ей говорили, стали бѣльма, и она даже свѣта не видѣла. Подъ тому назадъ у нея умерли отецъ и мать и она осталась круглой сиротой. Послѣ смерти родителей она жила у двоюродной сестры. Когда она услышала, что ея знакомые поѣхали въ Бѣлгородъ на поклоненіе святителю Іоасафу, то она стала проситься съ ними, и ея двоюродная сестра Софія Полякова—отпустила ее, давъ на дорогу денегъ—на билетъ по желѣзной дорогѣ. Изъ Курска поѣхали 25 августа, а пріѣхали въ Бѣлгородъ вечеромъ 27 августа и остановились въ страннопріемномъ домѣ женскаго монастыря. Утромъ 27 августа повели ее къ мощамъ святителя Іоасафа; когда она прикладывалась при помощи своихъ знакомыхъ къ мощамъ, то ее накрыли кокимъ-то платкомъ (воздухомъ); она ничего не видела, а только горько плакала; но какъ только сняли съ ея головы платъ-воздухъ, то она увидѣла свѣтъ и угодника Божія, лежащаго въ гробѣ и невѣрила, что это правда. Послѣ сего она уже пошла безъ посторонней помощи въ свою квартиру, до сего же времени безъ вожатаго никуда ходить не могла. Очевидица слѣпоты и исцѣленія дѣвочки Ев. Поляковой была, привезшая ее изъ Курска въ Бѣлгородъ, знающая эту дѣвочку нѣсколько лѣтъ какъ слѣпую, крестьянка Тамбовской губ., гор. Козлова, села Старо-Сосновина Екатерина Илларионовна Гурьева.

Кромѣ того, 31 августа, вечеромъ исцѣлилась глухо-нѣмая дѣвица, которая стала говорить, какъ передоваль мнѣ очевидецъ полицейскій урядникъ Ѳеодоръ Камниковъ; старецъ—пріѣзжій священникъ мнѣ сообщилъ, что онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ дѣвочка 6 лѣтъ, не могущая ходить, отъ гроба святителя пошла; двѣ бѣсноватыя избавились отъ мученія бѣсовъ. Одна утромъ, а другая вечеромъ; очевидцами были: первой—послушникъ Бѣлгородскаго монастыря Стефанъ Улитинъ, а второй—Камчатскій миссіонеръ—іеромонахъ Несторъ.

И еще передавали мнѣ о случаяхъ исцѣленія, совершившихся сегодня, но таковыя записать, за неразысканіемъ, въ виду многочисленныхъ случаевъ благодатнаго исцѣленія отъ святыхъ мощей—не было возможности. Въ виду этихъ явныхъ исцѣленій, которыя совершаются при гробѣ великаго и предивнаго чудотворца Іоасафа, да узрять свѣтъ всѣ, въ комъ еще не угасла искра вѣры и чувство правды и истины.

Лучезарный образъ новопрославляемаго угодника Божія святителя Іоасафа да будетъ ярко горящимъ и свѣтящимъ свѣтильникомъ, указующимъ человѣчеству вѣрный путь къ небу..

Какъ волны текутъ одна за другой такъ и многочисленныя толпы паломниковъ текутъ и съ хладнаго сѣвера—пустынныхъ тундръ, и изъ теплаго юга,—идутъ и ѣдутъ благочестивые русскіе люди на поклоненіе прославляемой святыни. Крестныя ходы сливаются съ группами богомольцевъ какъ-бы въ одну громадную рѣку, которая, разметавшись широкимъ многоводнымъ потокомъ по всѣмъ окрестностямъ Бѣлгорода, движется къ священной пещерѣ, гдѣ почиваютъ честныя мощи угодника Божія. Невольно нынѣ вспоминаются слова пасхальной пѣсни: „возведи окрестъ очи и виждь, се бо придоша къ Тебѣ отъ запада и сѣвера, и моря и востока чада твоя“. Всѣ идутъ къ Святителю Іоасафу какъ дѣти къ отцу съ чисто дѣтской любовной вѣрой, съ твердымъ упованіемъ что онъ заступится, обережетъ отъ грядущихъ бѣдъ и напостей.. И вотъ—тихий Бѣлгородъ нынѣ превратился въ многошумный городъ. Улицы Бѣлгорода, а особенно проходящая мимо собора, переполняются народомъ, колеблющимся точно море.

Всѣ жаждутъ утѣшенія и обновленія своей внутренней жизни и черпаютъ ее изъ открывшагося живоноснаго источника „живой воды“ „пійи которую не вжадется во вѣки“. Вереницами тянутся убогіе, храмые, слѣпые расслабленныя, бѣсноватыя. Всѣ стре-

мятся получить исцѣленіе, и многіе получили его. Благотворная сила молитвъ святителя Іоасафа забила обильной струей благодатныхъ исцѣленій.

Кр. Пензен. губ., Инсар. у., с. Исы М. И. Павлова, 30 лѣтъ, имѣла руки и но и разслабленныя, которыя тряслись отъ рожденія; она тряслась всѣмъ тѣломъ; иногда во время припадковъ впадала въ безпамятство; нынѣ чувствуетъ себя совершенно здоровой. Это исцѣленіе произошло 1 сентября въ 12 час. дня.

Дочь кр. Воронеж. губ., Ниждявит. у., Краснолипинской вол., Е. П. Елисеѣва, 8 лѣтъ, была совершенно глухая и нѣмая. Когда же мать ея рѣшила поѣхать въ Бѣлгородъ, чтобы помолиться угоднику Божію объ исцѣленіи Евфросиньи, то она первый разъ произнесла слова „Петя“. Въ Бѣлгородъ пріѣхали онѣ 31 августа, и когда приложили ее къ мощамъ святителя Іоасафа, то послѣ сего она стала произносить легко и другія слова, какъ-то: „баба“ „батя“, „будеть“, и теперь есть полная надежда, что она постепенно привыкнетъ говорить.

Кр. Ставропол. г., Медвѣж. у., Привольницкой волости и села, Г. П. Удавидчинкова восемь лѣтъ страдала болью всѣхъ внутренностей, причѣмъ все тѣло ея опухало. Врачи не могли никакими медицинскими средствами облегчить ея страданія. Еще дома, когда принесли изображеніе св. Іоасафа, она съ вѣрой къ нему приложилась, почувствовала облегченіе: опухоль спала. Въ Бѣлгородъ она прибыла 31 августа и въ тотъ-же день приложилась къ мощамъ угодника Божія; послѣ сего почувствовала себя совершенно здоровой.

Кр. Самарской губ., Бугульм. у., с. Соколки восемь лѣтъ страдала болѣзью ногъ и ходила при помощи костылей. Прибывъ въ Бѣлгородъ 24 августа она ходила на костыляхъ ежедневно ко гробу Святителя гдѣ молилась объ исцѣленіи. 1 сентября около 9 часовъ вечера близъ ограды монастыря она находилась въ глубокой скорби и печали, въ виду неисцѣленія ея болѣзни; вдругъ какая-то невидимая сила ее подняла и она свободно пошла къ св. Іоасафу, но какъ это случилось, она не помнитъ. Стоявшія возлѣ нея женщины рассказываютъ, что она вскочила, высоко поднявъ руки и пошла безъ костылей до самой паперти, крича громко: „я сама одна иду, Царица Небесная я твоя, я твоя“... Теперь она ходитъ свободно безъ костылей и въ нихъ не нуждается.

У кр. Харьковской губ., Волков., у., сл. Кадыгробы, М. Е. Кадыгробовой съ 8 сентября 1901 года заболѣлъ лѣвый глазъ и ско-

ро совершенно закрылся. Ее помѣстили въ одну изъ харьковскихъ больницъ, гдѣ она не получила никакого облегченія. Совѣтовали сдѣлать операцію, но она не согласилась. 31 августа она съ братомъ пришла въ Бѣлгородъ и ночью на 1 сентября часовъ въ двѣнадцать она съ богомольцами спустилась въ пещеру свят. и припавъ къ его гробницѣ горячо молилась. Лишь только она приложилась къ мошамъ угодника Божія, какъ тотчасъ почувствовала, что глазъ ея какъ бы растягивается и она увидѣла имъ людей со свѣчами въ рукахъ, ожидающихъ приложиться къ святителю. Она не вѣря себѣ, прикрывала рукой правый здоровый глазъ и вполнѣ убѣдилась въ совершенномъ выздоровленіи лѣваго глаза.

Свѣтлымъ, животворнымъ вѣетъ отъ сего духовнаго пира вѣры. Здѣсь рядомъ съ „слѣпыми, хромыми, сухими, чающими движеніе воды“, находятся и люди съ разслабленною волей, съ умомъ, хромающимъ на оба колѣна, съ сердцемъ охладѣвшимъ, жаждующіе обогрѣянія отъ ярко горяшаго свѣтильника. Сегодня уже чувствуешь въ полномъ смыслѣ разлившійся повсюду духъ праздничный. Позднюю литургію въ Знаменской церкви совершалъ преосвященный Елевѣерій, епископъ Ковенскій, соборнѣ съ пріѣзжимъ духовенствомъ.

Весь день со всѣхъ концовъ прибываютъ крестные ходы. Въ 5 час. вечера на поѣздкѣ прибыла масса паломниковъ, сопровождаемыхъ священниками. У вокзала по порученію его высокопреосвященства Питирима архіепископа курскаго ихъ привѣтствовалъ одушевленную рѣчью іером. Серафимъ (пермской епархіи). Прибыли на торжество высокопреосвященные архіепископъ Назарій полтавскій и Іоаннъ рижскій, Григорій Орловскій, Андрей Сухумскій, Елевѣерій ковенскій. Прибыли: чиновникъ ос. пор. при оберъ-прокурорѣ Св. Синода В. М. Оквовцевъ, княгиня Голицына, графиня С. С. Игнатъева и многіе другіе почетные гости.

Въ 6 часовъ вечера преосвященный Никодимъ, епископъ Рылъскій, служилъ въ Знаменской церкoi парастасъ, на которѣмъ поминали Благочестивѣйшихъ Государей и Государинъ, отъ Императора Петра I-го до Александра III включительно, архіепископа Симеона Тодорскаго, совершившаго хиротонію святителя, и родителей святителя—Андрея и Марію.

Въ полночь высокопреосвященный Питиримъ служилъ подъ открытымъ небомъ среди массы народа панихиду. Картина умиленная... Тысячи народа съ горящими свѣчами среди полуночной тьмы возносили молитвы вкупѣ съ архипастыремъ.

Въ 9 часу въ утра преосвященный Никодимъ, епископъ рыльскій, въ сослуженіи духовенства до 20 человекъ совершилъ Божественную литургію.

Во время литургіи прибыли дорогіе Высочайшіе гости Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елисавета Феодоровна и Великій Князь Константинъ Константиновичъ и прослѣдовали въ церковь къ литургіи.

Въ теченіе всего дня прибываютъ крестные ходы изъ разныхъ мѣстъ курской епархіи. Прибыла родственница святителя Іоасафа игуменія Марія, настоятельница Балашовскаго монастыря, саратовской епархіи.

Въ 6 часовъ вечера началось послѣднее заупокойное всенощное бдѣніе по святителѣ Іоасафѣ въ соборномъ Троицкомъ храмѣ. Всенощная окончилась въ началѣ 11-го часа ночи.

Народъ по очереди прикладывается всю ночь. Во всѣхъ концахъ улицъ паломники поютъ священныя пѣснопѣнія.

Иеромонахъ *Серафимъ*.

Въ 4 часа утра 4 сентября раздался благовѣстъ къ ранней литургіи.

Несмотря на столь ранній часъ, площадь передъ соборомъ и всѣ прилегающія улицы были полны народомъ. Но не всѣ счастливцы попали въ церковь на богослуженіе. Прибывшіе во множествѣ въ Вѣлгородъ на торжества представители сельскаго духовенства, жалуются, что огромному большинству изъ нихъ не удалось получить билетовъ не только въ ограду монастыря, но и въ районъ крестнаго хода въ день открытія мощей святителя Іоасафа. Есть депутаціи съ далекой Камчатки, изъ Сибири. Пріѣхавъ издалека, они такъ и не попали на богослуженіе. Вѣрно, трудно было что-нибудь сдѣлать. Церковь вмѣщаетъ только 350 человекъ, а одного духовенства пріѣхало болѣе 600.

Въ 9 часовъ утра раздался благовѣстъ къ поздней литургіи которую совершалъ преосвященный митрополитъ московскій Владиміръ совмѣстно съ другими архипастырями и назначеннымъ духовенствомъ.

Еще за долго до начала службы церковь была полна молящимися. Площадь, улицы города все было покрыто богомольцами. Стояли цѣлую ночь, лишь бы только занять хорошее мѣсто и дожидаться на мѣстѣ перваго удара колокола въ соборной церкви Большого труда стоило войскамъ и полиціи удержать эту несокрушимую силу въ своемъ стремленіи все впередъ и впередъ.

Въ 9½ часовъ прибыли въ соборъ великій князь Константинъ Константиновичъ и великая княгиня Елизавета Теодоровна.

Въ маленькой церкви душно, служба долгая, но никто не выходитъ. Усталости не замѣчаешь, видя кругомъ горячія молитвы окружающихъ.

На маломъ входѣ съ Евангеліемъ, при пѣніи „Придите поклонимся“, архипастыри и старѣйшіе сослужащіе поднимаютъ открытый гробъ со святыми мощами и на рукахъ вносятъ въ алтарь, гдѣ ставятъ на горнемъ мѣстѣ. Это главнѣйшій моментъ службы. Вся церковь, какъ одинъ человекъ, опускается на колѣни и замираетъ. Раздаются рыданія. Тихо, тихо поютъ пѣвчіе окончаніе молитвы.

Служба приближается къ концу. Идутъ приготовления къ крестному ходу. Литургія кончена. Духовенство во главѣ съ митрополитомъ Владиміромъ выходитъ съ гробомъ на средину храма для молебнаго пѣнія. И, наконецъ, въ исходѣ второго часа гробъ съ честными мощами святителя Юасафа поднимается архимандритами и выносится изъ храма на площадь.

Дивная картина.

Сотни тысячъ народа, учащіеся, войска съ оркестрами и знаменами расположилось шпалерами по обѣимъ сторонамъ улицъ и огромной площади. Впереди посрединѣ живыхъ шпалеръ шло болѣе 500 хоругвеносцевъ съ хоругвами и иконами. Сзади шло духовенство въ полномъ облаченіи и, наконецъ, открытый гробъ съ мощами. Процессія растянулась болѣе, чѣмъ на версту. Въ воздухѣ раздался гулъ отъ молитвъ, замелькали полотенца, раздались крики кликушъ...

Тихо, тихо крестный ходъ при веселомъ перезвонѣ бѣлгородскихъ колоколовъ двинулся впередъ по широкимъ улицамъ города. Сколько калѣкъ, больныхъ, кликушъ... Всѣ ждутъ исцѣленія. И случаи были. Духовными властями запротоколированъ случай исцѣленія дѣвушки А. Ключниковой, какъ говорятъ, раньше не владѣвшей рукой.

Только черезъ полтора часа процессія вернулась обратно въ церковь, гдѣ гробъ былъ поставленъ на уготованномъ мѣстѣ въ раку, подъ свѣчь. Читается молитва, и служба кончена. На смѣну избранной публики въ церковь нахлынулъ народъ, всѣ хотятъ приложиться къ святымъ мощамъ. Цѣлый день будутъ служить народныя молебны.

Послѣ парада войскамъ великій князь Константинъ Константиновичъ поѣхалъ на обѣдъ, устроенный дворянами и городомъ.

Городъ начинаетъ понемногу пустѣть.

Всѣ стараются попасть на поѣздъ, но, увы, даже, съ добавочными ихъ не хватаетъ. Разочаровавшись въ ожиданіи, богомольцы тихо разбредаются по городу. (Свѣтъ)

Х Р О Н И К А

17 Сентября—особенный для Вѣрненцевъ праздникъ: три престола освящены въ память Св. Мученицъ Софіи, Вѣры, Надежды и Любви, новый Кафедральный Соборъ, Больше-Алматинскій станичный Соборъ и церковь женской гимназіи. Во всѣхъ храмахъ наканунѣ и въ самый день праздника совершены были соборнѣ торжественныя богослуженія. Храмы были полны молящихся.

21 Сентября, день памяти Св. Димитрія Митрополита Ростовскаго—Покровителя нашего Владыки. Для духовенства и почитателей Владыки былъ днемъ великаго торжества. Омрачалось оно сознаниемъ отсутствія среди насъ Именинника, отдѣленнаго отъ насъ нѣсколькими тысячами верстъ. Но искренняя молитва и чувства любви и расположенія не знаютъ матеріальныхъ преградъ. Во всѣхъ городскихъ и станичныхъ церквахъ совершено было праздничное богослуженіе. Въ кафедральный Соборъ къ 10 часамъ утра прибыло все епархіальное духовенство г. Вѣрнаго и ближайшихъ станицъ и вознесло молитву о здравіи своего Архипастыря. Въ храмѣ за богослуженіемъ было много свѣтскихъ лицъ, почитателей Владыки. Послѣ молебна была послана Владыкѣ въ Петербургъ, за подписью всего духовенства поздравительная телеграмма. Владыка не замедлилъ отвѣтомъ; «Всѣхъ васъ моихъ сослуживцевъ крѣпко обнимаю и глубоко благодарю. Поистинѣ счастливъ вашимъ расположеніемъ. Да сохранить Господь наше братство въ присной взаимной любви. Епископъ Димитрій»

Трезвость Министерствомъ нар. проsv. удовлетворено ходатайства предсѣдателя совѣта всероссійскаго трудового союза христіанъ-трезвенниковъ о разрѣшеніи инспекторамъ, учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ принимать участіе въ организациі летучихъ отрядовъ христіанъ-трезвенниковъ, для проповѣди трезвости различныхъ мѣстностяхъ Имперіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, министерствомъ предложено попечителямъ учебныхъ округовъ оказывать упомянутому союзу возможное содѣйствіе.

Запрещеніе спектаклей подь праздники. Главнымъ управленіемъ землеустройства и земледѣлія воспрещено подвѣдомственнымъ ему учебнымъ заведеніямъ устройство подь праздничные и воскресные дни и въ Великій постъ спектаклей, зрѣлищъ, концертовъ и т. п. увеселеній. Духовная музыка и пѣніе, литературныя чтенія и другія однородныя занятія не воспрещаются.

Его Преосвященство Преосвященѣйшій Димитрій Е. Т. и Т. въ отвѣтъ на поздравленіе его со днемъ ангела Старшиною и Членомъ-Казначеемъ О-ва Хоругвеносцевъ-отъ имени сего О-ва изволить телеграфировать на имя О. Протоіерея Шаврова слѣдующее: Вѣрный Протоіерей Шаврову. Васъ, Сергѣя Константиновича, Общество Хоругвеносцевъ сердечно благодарю Епископу Димитрій.

Телеграмма отъ О-ва была въ слѣдующихъ словахъ: Петербургъ Лавра Преосвященному Димитрію Епископу Туркестанскому.

Вѣрненское Слово Хоругвеносцевъ въ годовую праздникъ свой и день тезоименитства
Вашею Пресвященства-своего покровителя и перваго Почетнаго Члена повергаетъ
столамъ Вашимъ Владыко почтительнѣйшее поздравленіе, моля небеснаго своего покрови-
теля о здравіи и долголѣтнемъ архипастырскомъ Вашемъ служеніи.

Старшина Протоіерей **Шавровъ.**

Членъ-Казначей Архитекторъ **Тропаревскій.**

Содержаніе неофиц. части: «Любовь къ отечеству и народная гордость»
—На Сѣверъ —В М Соколовъ.—Горящій свѣтильникъ въ Бѣлгородѣ.—Хроника.

Отвѣтств. редакт. неофиц части Прот. *В. Антоновъ.*

